

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ОПЫТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Объектом изучения выступает жизненный мир Эрвина Сабо, видного представителя венгерской интеллигенции начала XX в. Отношение к Первой мировой войне (патриотически-националистическое, антимилитаристско-пацифистское, социально-классовое и революционно-политическое), саморефлексия (осмысление своей ответственности за судьбу человеческой цивилизации), социальный статус, общественно-политическое поведение, интеллигентский быт – все это составляет предмет исследования.

Ключевые слова: *характер войны, антимилитаристская пропаганда, библиотечное дело, государственный служащий, личная жизнь*

В статье в относительно коротком промежутке времени (1914–1918) исследуются взгляды и социальный этос видного представителя венгерской интеллигенции Эрвина Сабо. Герой повествования предстает и как субъект деятельности, и как объект воздействия со стороны родных, близких, друзей, коллег, социальных и политических институтов.

Эрвин Сабо (1877–1918), урожденный Армин Шлезингер – мадьяризовавшийся еврей, как многие его соплеменники, принял в юношеском возрасте евангелико-реформатскую веру, венгерские имя и фамилию. Сын владельца красильной мастерской, он с отличием окончил королевскую первую гимназию Унгвара (ныне – Ужгород), затем – юридический факультет Будапештского университета. Последующая трудовая деятельность Сабо была связана с библиотековедением. На этом поприще он прошел путь от рядового сотрудника библиотек Венгерского парламента и Венгерской торгово-промышленной палаты до директора Будапештской городской библиотеки, занимая последний пост с 1911 г. до конца жизни. В 1904–1906 гг. он был идейным лидером левого крыла Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), но в дальнейшем отошел от активной партийной работы. В 1901–1917 гг. Сабо – член руководства научно-публицистического и культурно-просветительского объединения – Общества социальных наук (ОСН) в Будапеште.

В гимназические годы на мысли и чувства Эрвина, по его воспоминаниям, сильное впечатление произвели «филантропические романы» Ч. Диккенса, особенно «Оливер Твист». Яркий след в его сознании оставили свободолюбивые стихи Ш. Петефи – многие из них он знал наизусть¹. В 1897–1898 гг. Сабо больше двух семестров посещал занятия в Венском университете, уделяя особое внимание политической экономии. В Вене Сабо испытал духовное влияние Ф. Ницше, Л.Н. Толстого, Р.У. Эмерсона. В это же время он знакомится с философскими и историко-социологическими трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. Характеризуя некоторые

¹ Айрапетов 1984. С. 16.

свои личностные свойства, Сабо отмечал, что его индивидуалистические склонности подпитывались идеями П.Л. Лаврова и П.А. Кропоткина, с сочинениями которых (в переводе) он ознакомился по совету русских политэмигрантов, народника С.Л. Клячко и социал-демократа П.Ф. Теплова, ставших его близкими друзьями и наставниками. Сабо назвал имена еще трех ученых и мыслителей, чьи идеи оказали формирующее влияние на его взгляды: французского политолога Ж. Сореля, итальянского социолога, стоявшего у истоков элитологии, В. Парето и венгерского историка Б. Грюнвальда, чей труд «Прежняя Венгрия» помогал Сабо верифицировать на венгерском материале свои теоретические знания².

В конце XIX в. на фоне растущей дегуманизации прозаически вещного капиталистического мира в обществе все громче раздавались голоса философов, писателей, деятелей культуры, политических мыслителей, выступавших в защиту человеческого «Я». Их проповедь красоты как всеобщей гармонии, морального совершенствования как критерия общественного прогресса, их нравственное кредо, выраженное в наставлении «Будь самим собой!», были близки уму и сердцу Эрвина Сабо.

С юношеских лет Сабо стремился к достижению максимально полной гармонии природы. Слова Гете «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» стали для Сабо жизненным девизом, приведя его в 1899 г. в ряды СДПВ. В социал-демократии он видел общественную силу, которая может возглавить освободительное движение масс против социально-экономической эксплуатации, политического неравенства, культурной дискриминации и отсталости. Сабо остался верным социалистической идее до конца жизни. В марте 1904 г. он выступил с докладом «Социализм» на заседании ОСН. Его оппоненты, верно нащупав в трактовке свободы уязвимое место марксистской теории социализма, утверждали, что социализм подчиняет «интересы отдельных личностей общей воле» Эта общая воля «исключает возможность осуществления большинства индивидуальных волей... А это, – по их мнению, – “самая невыносимая форма рабства”». Смысл возражения Сабо, отвергавшего буржуазный индивидуализм, сводился к следующему. Чтобы не ощущать экономический строй социализма как насильственный, нужно воспитывать в людях чувство социальной солидарности, формировать у них взгляд на новый строй как на дело доброй воли. В духе кропоткинской теории взаимной солидарности как фактора прогресса Сабо подчеркивал, что «вся наша жизнь во всех ее проявлениях, от момента рождения до самой смерти, зависит от жизни других людей, от их действий, что мы не можем надеяться на счастливую, идеальную жизнь, если не выберем путь добровольной, согласованной деятельности во имя целесообразного общественного порядка... Как следствие принципа социальной солидарности высшей добродетелью социалиста будет

² Там же. С. 18–19.

считаться совершенное развитие всех его способностей, но одновременно – и доведенная до безукоризненности самодисциплина»³.

Нравственный пуризм, аскетизм в быту, бесстрашие мысли, мировоззренческая стойкость – эти свойства сделали Сабо чуждым тщеславия и корыстолюбия. Об уровне его образованности, широте кругозора можно судить уже по тому, что в 26 лет он стал соредактором ежемесячного прогрессивного общественно-политического и научно-просветительского журнала ОЧН «Huszadik Század» («Двадцатый век»). Многочисленные публикации молодого Сабо говорят о том, что круг его интересов простирался от проблем рабочего движения до социальной философии и социологии (теории общественных классов и классовой борьбы), открытый в естественных и социально-гуманитарных науках, авангардистских произведений художественной литературы и изобразительного искусства⁴.

У молодого поколения венгерской интеллигенции, обратившего на рубеже XIX–XX вв. свои взоры на Запад, исключительно сильным было чувство призвания, ощущение себя носителем культурной миссии в самом широком смысле этого слова⁵. «Борьба» и «прогресс» – эти понятия составили парадигму их мышления и общественного этоса, сопрягаясь с приверженностью таким ценностям, как уважение личности, толерантность, этнонациональное и конфессиональное равноправие, космополитизм, не исключавший здорового чувства патриотизма.

Когда началась Первая мировая война, Сабо было без малого 37 лет. Он понял, что эта война явилась вызовом, смертельной угрозой гуманистическим ценностям. В этих экстремальных условиях от интеллигента требуется соединение «интеллектуальных, волевых и практических способностей»⁶. Такого слияния личностных свойств нужно добиваться в профессиональной, общественно-политической, культурно-просветительской, гуманитарной сферах деятельности.

Отношение к начавшейся мировой войне вольно или невольно обуславливалось у интеллигенции ее национальными чувствами и взглядами, артикулировалось посредством таких категорий, как агрессия иностранного государства и защита своего отечества. Весь первый год войны Сабо относился к ней как к чрезвычайной ситуации, в которой интересы войны выше любого закона (*salus belli suprema lex*). Тем не менее, он, в отличие от многих представителей европейской интеллигенции, не поддавался угару крайнего национализма и шовинизма и не впал в пессимизм и отчаяние. Сабо не был державником и не разделял проектов создания Великой Венгрии, привлекательных для части венгерской гуманитарной интеллигенции того времени.

³ Избранные произведения 1984. С. 279–280.

⁴ Szabó Ervin válogatott 1958. 24.o.

⁵ Глац 2011. С. 13.

⁶ Szabó Ervin. Hol az 1977. 433.o.

Позиция Сабо в вопросе о характере Первой мировой войны сложилась в процессе изучения им истории двух событий Нового времени и ознакомления со специальной литературой о процессах в мировой экономике конца XIX – начала XX в. Почти 15 лет он трудился над фундаментальной монографией «Социальная и партийная борьба в венгерской революции 1848–1849 гг.», закончив работу над рукописью в июле 1918 г., незадолго до смерти. События семидесятилетней давности, по мнению Сабо, показывали, что в периоды острых социально-политических конфликтов, одним из которых была венгерская революция и национально-освободительная война середины XIX в., патриотическое единство возможно только под лозунгами назревших широких демократических преобразований в социально-экономической, политической и международной сферах общественной жизни.

В поисках критериев определения характера глобального военного конфликта начала XX в. Сабо обратился и к франко-прусской войне 1870–1871 гг. В 1915 г. в теоретическом органе СДПВ, журнале «Szocializmus», была опубликована его статья «Маркс, Энгельс и война». Резюмируя высказывания основоположников марксизма, очевидцев и первых историков франко-прусской войны, Сабо, которого на родине и за рубежом в начале XX в. считали лучшим в Венгрии знатоком и пропагандистом марксизма, сделал следующий вывод. Прогрессивный или реакционный характер войны вытекает из того, чьи классовые интересы она выражает. В большой статье «Экономическая организация и война», опубликованной в 1915 г. в журнале «Huszadik század», а также отдельной брошюрой, Сабо, разобрав концепции ряда европейских экономистов и социологов, заключил, что коренные причины Первой мировой войны связаны с интересами финансовой олигархии, вывозом капитала в колонии и зависимые страны с целью получения сверхприбыли, борьбой за территориальный передел мира. Соперничество в первую очередь финансово-промышленной буржуазии Великобритании и Германии, подчеркивал Сабо, привело к развязыванию глобального военного конфликта⁷.

Социально-классовый характер войны со всей очевидностью проявлялся в том, писал Сабо, что она открывала возможности для обогащения на военных поставках и спекуляции части буржуазии и средних слоев, но с другой стороны, по мере затягивания, обрекала на нищету, лишения и ограничение прав и свобод миллионы людей. Официальная пропаганда Австро-Венгрии изображала участие Габсбургской монархии в войне как

⁷ Szabó Ervin válogatott 1958. 382–391.o. Издав в 1905–1909 гг. первое на венгерском языке двухтомное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Сабо закрепил за собой международное признание. Конечно, венгерская социал-демократия не была в первом эшелоне партий II Интернационала. Тем не менее об Эрвине Сабо знали, с ним переписывались К. Каутский, Г.В. Плеханов, Э. Бернштейн, Г. Лагардель, Р. Михельс, К. Грюнберг и др. Не случайно также, что в 1918 г. Социалистическая академия в Москве избрала Сабо своим почетным членом.

выполнение благородной миссии «по защите европейской культуры от русского варварства»⁸. Февральская революция 1917 г. в России, в ходе которой думская монархия трансформировалась в либеральную республику, делала, в глазах венгерских и других европейских пацифистов, войну одной лишь бессмысленной кровавой бойней. В Венгрии в течение 1917–1918 гг. стремительно нарастал кризис правящей элиты. В статье «Мир и демократия», опубликованной в мае 1917 г. в газете «Népszava» («Слово народа»), Сабо писал, что стоявшая в повестке дня политической жизни Венгрии демократизация не должна ограничиться введением всеобщего избирательного права, парламентскими выборами и формированием нового правительства. Следовало, считал Сабо, преодолеть системный кризис венгерского государства и общества путем устранения засилья аристократии и среднего дворянства в сфере управления, структурного и кадрового обновления всего государственного аппарата⁹.

Острая политическая ситуация в Венгрии требовала от каждого патриота не только ясной и четкой идейной позиции, но и практического участия в антивоенном движении. И Сабо включается в деятельность антимилитаристской «Группы венгерских социалистов, присоединившихся к Циммервальду», т.е. к Циммервальдскому объединению социалистов, оппозиционных войне (1915–1917). Входившие в Группу радикально настроенные венгерские студенты ставили перед собой задачу издавать и распространять антивоенные листовки среди рабочих и солдат. Сабо помог студентам установить контакты с рабочими будапештских предприятий с тем, чтобы сплотиться в самостоятельную организацию революционных социалистов. По оценке идеолога Венгерской коммунистической партии Й. Реваи, Сабо был «душой подпольной антимилитаристской агитации». Он сам писал или редактировал листовки, регулярно встречался с активистами Группы. Работу приходилось вести нелегально. К примеру, по совету Сабо, хорошо усвоившего еще со времени своих контактов с русскими политэмигрантами приемы конспирации, одна из встреч была организована, в особняке папского прелата Ш. Гисвайна, осуждавшего войну. Участница этой встречи Й. Келен вспоминала, как они с мужем втайне друг от друга явились в назначенное время на явочную квартиру. «Собралось не больше десяти человек, – рассказывала она. – Среди них были студенты, рабочие, интеллигенты. Все ждали, что скажет Эрвин Сабо. Внешне он ничем особенно не выделялся среди присутствовавших. Но с первых же слов он завладел их вниманием, начав горячо говорить об издании антивоенных листовок»¹⁰.

Осенью 1917 года Сабо готовился к поездке в Берн на международный конгресс пацифистов. Среди заявленных участников этого форума

⁸ Айрапетов 1984. С. 108.

⁹ Szabó Ervin. Béke és demokrácia // Népszava, 6.05.1917.

¹⁰ Айрапетов 1984. С. 116.

были: от Германии – Э. Бернштейн, В. Шюкинг, от Австрии – А. Фрид, от Венгрии – М. Каройи, О. Яси, Ш. Гисвайн, Й. Динер-Денеш и др. Венгерские противники продолжения войны выступали за немедленный «мир без победы». Поездка Сабо не состоялась по той причине, что он не получил заграничного паспорта¹¹.

Осенью 1917 года «революционные социалисты» организовали в Будапеште демонстрации с требованиями немедленного заключения мира. В них приняло участие около трех тысяч человек. Власти обрушились с репрессиями против оппозиционеров: в январе и в весенние месяцы 1918 г. активные «революционные социалисты» были арестованы. Властям была известна руководящая роль Сабо. В следственных документах полиции «революционные социалисты» фигурировали как «эрвиновцы». Правые газеты использовали проходивший в сентябре 1918 г. процесс против оппозиционеров для яростных нападок на директора городской библиотеки. Сабо обвиняли в том, что руководимая им библиотека превратилась в очаг брожения и деморализации общества. Он тоже оказался под следствием, но за неимением улик был освобожден.

Сабо без оптимизма смотрел на перспективы окончания Первой мировой войны. Он не скрывал, что не строит иллюзий в отношении мира (Брест-Литовского договора) с Россией, и уверен, что «Англия и Америка будут стоять на своем» (планы Антанты по расчленению Венгрии)¹². Антимилитаристская позиция Сабо, однако, не побудила его, по-прежнему приверженного идеям социализма, стать активным участником революционного движения в Венгрии. Еще до Первой мировой войны он отказался от «карьеры» профессионального революционера. Отдавая предпочтение призывному слову, он был скорее проповедником и духовным учителем. Мир знаний был для него наиболее близким. Судя по всему, для его деятельной интеллектуальной природы необходимым условием нравственного здоровья была созидательная работа, лишенная политической демагогии и популизма. Сабо не был тщеславным, но он знал себе цену и потому дорожил завоеванным авторитетом руководителя крупного культурно-просветительного учреждения страны. Благодаря своему авторитету Сабо оставался на посту директора центральной городской библиотеки Будапешта, хотя его контакты с «революционными социалистами» вызывали недовольство власть предержащих и венгерских ура-патриотов. Вместе с тем он не мог не сознавать, что, занимая пост директора столичной библиотеки, он находился на службе у государства, чью политику осуждал. Ниже мы попытаемся показать, как Сабо разрешил эту психологическую и нравственную коллизию.

Накануне и в годы Первой мировой войны Сабо, не покладая рук, работал над модернизацией библиотечного дела в Венгрии. Смысл этой

¹¹ Szabó Ervin levelezése 1978. 952.o.

¹² Idid. 954.o.

культурно-просветительской деятельности он видел в том, чтобы, в частности, поднять рабочего, занятого физическим трудом, до уровня рабочего-интеллигента. Он был горячим сторонником и активным проводником идеи создания, по примеру США и Великобритании, публичных библиотек с обязательным абонементом¹³. Свое профессиональное кредо Сабо выразил в следующих словах: «...Наше культурное развитие, умножение научной и другой интеллектуальной и душевной энергии теснейшим образом связано с состоянием библиотечного дела»¹⁴.

Много сил отнимало у него внедрение десятичной системы каталогизации книг. Вокруг этого вопроса летом и осенью 1913 г. развернулась международная дискуссия, в которую включился и Сабо. Потребность в едином библиографическом описании всех опубликованных в книгах и журналах материалов вызвала к жизни универсальную десятичную классификацию (УДК). Она была создана бельгийскими библиографами Полем Отле и Анри Лафонтемом, основавшими в 1895 г. в Брюсселе «Международный библиографический институт», и впервые опубликована в 1897 г. За основу была взята подвергшаяся определённой переработке классификация, предложенная в 1876 г. американским библиографом Мелвиллом Дьюи для библиотеки Конгресса США. Дьюи бескорыстно предоставил Отле и Лафонтему права по использованию и модификации своей системы для создания всеобъемлющего каталога опубликованных знаний. В течение долгих лет эта работа велась в рамках Международной федерации по информации и документации. Первое издание полных таблиц УДК вышло в свет на французском языке в 1905 г. Согласно УДК вся совокупность человеческих знаний делится на десять частей (по цифрам): от 0 – общий отдел до 9 – история, география, биографии.

Проявляя интерес к разным проектам УДК, Сабо вступил в переписку с всемирно известным германским естествоиспытателем, основоположником физической химии, лауреатом Нобелевской премии 1909 г., философом-эмпириокритиком Вильгельмом Оствальдом. В сентябре 1913 г. Сабо обратился к Оствальду с просьбой рассказать о выдвинутых им принципах каталогизации. Сабо беспокоило, что пользовавшийся международным авторитетом ученый занимался библиографическими проблемами без должного знания дела, игнорируя сотрудничество с Брюссельским институтом. Информировав Оствальда, что Будапештская городская библиотека находится в деле внедрения УДК в середине пути, Сабо пытался выяснить, в каких пределах тот намерен переработать действующую международную систему классификации и как он предполагает действовать, если не достигнет никакой договоренности с Брюсселем. Последнюю альтернативу Сабо рассматривал весьма неохотно¹⁵.

¹³ Ibid. 885.о.

¹⁴ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 606.о.

¹⁵ Szabó Ervin levelezése 1978. 879–880.о.

В ответном письме от 21 сентября 1913 г. Оствальд изложил свои принципиальные подходы к классификации знаний. Следуя за основоположником позитивизма, французским логиком и математиком О. Контом, Оствальд, в отличие от Конта, положил в основание своей систематизации наук не математику, а логику. Систематизация держится на движении знаний от элементарных положений к более сложным и сложносоставным определениям. Такой же логике должна следовать совершенная система каталогизации литературы. Отмечая, что он находится еще в начальной стадии разработки классификации, Оствальд предлагал сразу заменить цифры десятичной классификации буквами¹⁶.

Две недели января 1914 г. Сабо целыми днями был занят подготовкой к открытию в Будапеште филиала столичной библиотеки, которая должна была стать площадкой для апробации идеи публичной библиотеки. Новации касались характера и содержания литературы, поступающей в городскую библиотеку и ее филиалы. В потоке поступлений превалировала социально-политическая литература, значительно меньше было художественной литературы, ощущался дефицит газет и специализированных журналов. Не сразу, но Сабо добился изменений в структуре комплектования. В сентябре 1914 г. в Лейпциге должен был собраться Международный конгресс народного воспитания и просвещения. Сабо пригласили выступить на этом конгрессе с докладом «Публичная библиотека и молодежь». Он готовился к поездке на этот форум, но начавшаяся мировая война разрушила все планы организаторов конгресса¹⁷.

Энтузиазму Сабо, его страстному желанию довести начатую реформу библиотечного дела до конца можно было позавидовать. Но далеко не все разделяли сабовский проект и принимали его стиль управления. В 1913–1914 гг. недруги крепко потрепали ему нервы нападками в прессе на директора столичной библиотеки. Они обвиняли Сабо в злоупотреблении служебным положением и недостаточной эффективности работы руководимой им библиотеки. Обвинения были надуманными и оскорбляли честь и достоинство Эрвина Сабо. 25 февраля 1914 г. он обратился к бургомистру Будапешта Иштвану Барци с прошением провести прокурорское расследование. Одновременно Сабо выступил с опровержением на страницах газеты «Столичная библиотека».

Оппоненты Сабо указывали на невысокие показатели книговыдачи в Будапештской библиотеке в сравнении с библиотеками Берлина, Гамбурга, Йены. Отвечая им, Сабо указывал, что в названных публичных (народных) библиотеках главным образом выдают художественную и научно-популярную литературу, а Будапештская библиотека вплоть до 29 декабря 1913 г. была специализированным научным книгохранилищем. С учетом этой разницы корректным было бы сопоставление Буда-

¹⁶ Ibid. 881–882.о.

¹⁷ Ibid. 885–892, 982.о.

пештской с аналогичными зарубежными специализированными библиотеками. Критики задавали вопрос: «Почему центральная библиотека венгерской столицы закрыта вот уже девятый месяц?» Сабо пояснял, что столичная библиотека обслуживает читателей в полную силу, работая в таком помещении, где люди «вдыхают бактерии легочных заболеваний». Запланированный переезд библиотеки в другое здание откладывался, потому что затянулся его ремонт. Думая о здоровье людей, дирекция библиотеки, сообщал Сабо, закрывала ее на три месяца.

Третье обвинение в адрес Сабо касалось штатного расписания и численности сотрудников городской библиотеки. Сабо указывал на неточности, допущенные оппонентами: в 1912 г. насчитывалось не 33, а 24 сотрудника, в феврале 1914 г. штат увеличился до 35 чел., но не до 46, как утверждали «обличители», ставившие в вину директору раздувание штатов. Сабо приводил также сравнительные данные об общей численности персонала библиотек Венгерского национального музея и Будапештского университета, которая уже в 1911 г. достигла 57 чел.

Еще один упрек оппонентов Сабо касался приобретения библиотекой литературы. Сабо разъяснял, что выделяемые для закупки литературы деньги распределялись одновременно между всеми пятью филиалами¹⁸. Он отрицал, что постоянно во вверенной ему библиотеке шум, гам, толкотня. Не раз, как утверждали критики, возникала потребность во вмешательстве полиции для наведения порядка. Возможно, что сотрудники библиотеки не доводили до сведения директора факты нарушения порядка. Во всяком случае, Сабо назвал лишь один случай вызова полиции. Его обвиняли и в том, что он якобы под видом приобретения литературы нанял человека, который, по утверждению «разоблачителей», должен был прежде всего выявить среди сотрудников библиотеки информаторов. Вся эта неблагоприятная история закончилась тем, что журналист, сотрудник газеты «Pesti Hírlap» («Пештская газета») Дюла Хегедюш, один из главных «критиков», признал, что он «ошибался»¹⁹.

Однако спустя короткое время журналисты дали понять, что травля Сабо будет продолжаться, пока он не уйдет с поста директора библиотеки. Обозначены были и вопросы нового «журналистского расследования»: рост дотаций библиотеке, увеличение рабочего времени сотрудников, надбавки к их зарплате в вечернюю смену. Обещания журналистов не были чистой выдумкой или пустым шантажом. Уже в апреле 1914 г. Сабо пришлось опровергать утверждение «Венгерского книжного обозрения» о мнимом ограничении в выдаче книг на абонементе и даже ее периодической приостановке. В действительности периодически приостанавливалась выдача не книг, а абонементских билетов²⁰.

¹⁸ Ibid. 891–892.о.

¹⁹ Ibid. 892–893.о.

²⁰ Ibid. 894, 897.о.

В апреле 1914 г. Сабо вновь обратился с письмом к бургомистру Будапешта И. Барци, в котором сослался на две газетные статьи, ставшие пиком травли. Приведя независимые оценки, взятые из разных источников, он отверг надуманные обвинения в авторитаризме: «Никто, кроме меня, не стоит так далеко от того, чтобы зажимать конструктивную и доброжелательную критику, даже если она исходит от сотрудников библиотеки». По сути же, эта клевета была направлена на «дискредитацию доброго имени библиотеки, с которой его связывают тысячи духовных и душевных нитей»²¹. Летом 1915 г. Сабо в письме к своему немецкому единомышленнику, руководителю Германского союза народных библиотек В. Хоффману с грустью констатировал, что война затормозила реализацию намеченных планов реконструкции Будапештской библиотеки²².

Между тем нападки на Сабо продолжались. Ему и его сотрудникам ставили в вину радикалистские взгляды. Отвечая на эти «обвинения», Сабо предостерег от политизации библиотечного дела. Он решительно заявил, что не хотел бы выглядеть ангажированным СДПВ, в рядах которой состоял более 15 лет. Интересы библиотечного дела должны были быть выше идейно-политических предпочтений работников книгохранилищ. Эта объясняет, почему Сабо не уходил с поста руководителя государственного учреждения. Под его началом в библиотеке работали 14 мужчин и 13 женщин. Усилиями этого небольшого коллектива удалось превратить городскую библиотеку в образцовое культурно-просветительное учреждение, транслятор гуманистических идей, сделать ее конкурентоспособной, а во многих отношениях – поставить будапештскую библиотеку даже выше западноевропейских. Отметая оскорбительные эпитеты, которыми его «награждали» (капризный, безжалостный и беспощадный самодур), Сабо категорически отрицал обусловленность той или иной меры наказания работников библиотеки за неявку на службу прихотью и своеволием директора. Для него было очевидно, что эффективность работы библиотеки зависит не только от соответствующих организационных условий, но и от (как сказали бы сегодня) человеческого фактора. Речь шла о наборе определенных интеллектуальных, профессиональных и моральных качеств персонала, которые (как это было в Германии и США) должны быть прописаны в руководствах, положениях и др. служебных документах. Сабо полемизировал с теми, кто не видел необходимости коренного изменения функций библиотеки – перехода от комплектования и хранения литературы к обеспечению доступности книг и журналов даже ценой их сохранности²³. К планам демократизации библиотечного дела Сабо вернулся в декабре 1915 г., о чем свидетельствует его письмо преподавателю Дебреценской реформатской гим-

²¹ Ibid. 898.о.

²² Ibid. 903.о.

²³ Ibid. 909–912.о.

назии и советнику городской администрации по вопросам образования Ф. Чюрешу. В общедоступности Сабо видел главное достоинство публичных библиотек. Практика городской библиотеки Будапешта окончательно развеяла легенду о библиотеке как элитарном заведении, комфортном пристанище ученых и книголюбителей. Сабо называл два условия эффективной работы: во-первых, рациональная, экономичная организация, разумное разделение труда и целесообразное распределение ресурсов, или, другими словами, кооперация и централизация; во-вторых, одновременное функционирование специализированных научных библиотек и библиотек нового типа – универсальных и публичных. В целях пропаганды этих идей Сабо инициировал создание нового журнала – «Библиотечные тетради». Первый номер вышел в мае 1916 г. и вызвал интерес не только в Венгрии: по просьбе Хоффмана Сабо охотно согласился перевести журнал на немецкий язык для публикации в Германии²⁴.

В годы Первой мировой войны в библиотечных кругах столкнулись две гражданские и профессиональные позиции, связанные с разным пониманием просветительных и воспитательных функций важнейшего культурно-образовательного учреждения. На одной стороне выступили сотрудники библиотек, убежденные в том, что библиотека призвана воспитывать, подбирая читателю хорошую литературу, на другой – те, кто считал, что библиотечные работники должны обслуживать читателей, потрафляя их примитивным вкусам. Эрвин Сабо и Вальтер Хоффман по праву относили себя к первой «партии»²⁵.

Как библиолог Сабо был известен в западных странах благодаря переводам с венгерского на немецкий и французский языки и публикации в иностранных изданиях 45 статей, рецензий, заметок²⁶. Ряд статей и других материалов (точное число пока не установлено) был написан им сразу на немецком языке, которым он владел свободно. Наряду с немецким, рабочими языками Сабо были французский, английский, итальянский. О его международном авторитете свидетельствовало и посланное Сабо приглашение выступить в сентябре 1917 г. на конференции Центрального союза публичных библиотек в Лейпциге. Он готовился к этой поездке, но из-за ухода со своего поста его заместителя д-ра Й. Маджара (о чем Сабо весьма сожалел) не мог оставить библиотеку и послал приветствие участникам форума. Председатель Центрального союза В. Хоффман предложил Сабо войти в состав редколлегии журнала «Книжная выставка» и получил его согласие. Хоффман надеялся, что авторитет Сабо в кругах библиологов будет способствовать расширению круга «друзей новой модели библиотеки»²⁷.

²⁴ Ibid. 912, 917-918, 920, 925.о.

²⁵ Ibid. 932.о.

²⁶ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 612–617.о.

²⁷ Szabó Ervin levelezése 1978. 950.о.

Будучи директором центральной городской библиотеки Будапешта, Сабо находился на государственной службе. Он не сомневался в том, что государство является орудием политических сил. Но, по его мнению, государственный служащий должен быть (это доказывал М. Вебер) неполитизированным высококлассным бюрократам, сведущим в законах и подзаконных актах и одновременно компетентным в той или иной специальности или отрасли знания. Такое представление было, как полагает венгерский историк академик Ф. Глац, характерным для сознания склонного к иллюзиям венгерского среднего класса²⁸, выразителем настроений и взглядов которого в известном отношении являлся Эрвин Сабо.

Сабо нельзя было назвать честолюбивым. Он не жаждал наград или высоких государственных постов, особых привилегий, держась правила «Каждому по заслугам». В этой связи показательно, как Сабо мотивировал свое поздравление, адресованное его знакомому, Фаркашу Хеллеру, по случаю назначения последнего ординарным профессором политической экономии Будапештского технического университета. «Я, по обыкновению, – писал Сабо, – не часто поздравляю знакомых с повышением по службе, но твой случай – редкое исключение, когда я насколько не сомневаюсь в справедливости твоего назначения. Я желаю Тебе как можно быстрее втянуться в преподавательскую деятельность»²⁹.

Государственная служба требовала соблюдения политеса, писаных и неписаных правил. Сабо им следовал, не роняя личного достоинства, не «прогибаясь» перед начальством. Так, 1 сентября 1917 г. он поздравил бургомистра Будапешта И. Барци с бракосочетанием его сына. В письме Сабо на имя бургомистра говорилось: «Глубокоуважаемый Господин Бургомистр! Мне очень приятно, пользуясь именно неофициальным поводом, сказать, что я рад за Господина Бургомистра, пребывающего в радужном настроении, и хотел бы выразить ему свою преданность и солидарность. Наилучшие пожелания молодоженам и их родителям. Искренний сторонник и почитатель Господина Бургомистра Эрвин Сабо»³⁰.

Находясь все годы войны в тылу, Сабо не пережил стресса от непосредственного участия в боевых действиях. Тем не менее война потребовала от него максимального напряжения интеллектуальных, душевных и физических сил. По переписке Сабо, перечню опубликованных им работ, сведениям о его публичных выступлениях, организаторской, научно-исследовательской, публицистической и просветительской деятельности в Обществе социальных наук не сложно составить представление о степени загруженности этого тяжело больного туберкулезом человека. Вот лишь перечень значимых событий 1914–1918 гг., деятельным участником которых был Эрвин Сабо:

²⁸ Глац 2011. С. 22, 24.

²⁹ Szabó Ervin levelezése 1978. 943. о.

³⁰ Ibid. 947. о.

1914, 1 мая Переезд Будапештской городской библиотеки в новое здание.

Май. Дискуссия с Эрнё Брестовски о пролетарской поэзии.

25 июня Председательствовал на годичном собрании Общества социальных наук (ОСН).

Октябрь Подготовил вступительную статью «Война и хозяйственная жизнь» к специальному номеру журнала «Двадцатый век», являвшегося печатным органом ОСН.

1915, 2 января Прочитал доклад «Экономическая организация и война» в военно-тематическом цикле, организованном ОСН. Доклад был опубликован в июньском номере журнала «Двадцатый век». В том же месяце в теоретическом органе Социал-демократической партии Венгрии, журнале «Социализм», вышла статья Сабо «Маркс и Энгельс и война».

8 июля Председательствовал на годичном собрании ОСН.

Ноябрь–декабрь Прочитал курс лекций в Свободной школе ОСН на тему «Масштабы государственного регулирования перед мировой войной».

1916 – первая половина 1917 г. Ввиду командирования О. Яси на фронт в качестве военного корреспондента Сабо выполнял обязанности ответственного редактора журнала «Двадцатый век». Эта работа доставляла много хлопот.

1916, февраль Сабо отдыхал в санатории, в Земмеринге.

4 марта Участвовал в дискуссии на тему «Срединная Европа» в ОСН.

2 апреля Председательствовал на заседании ОСН и выступил в дискуссии «Срединная Европа».

13 мая Выступил с лекцией «Империализм и прочный мир» в рамках цикла лекций в студенческом «Кружке Галилея».

Октябрь Установил контакты между будапештскими антивоенно и революционно настроенными студентами и рабочими.

1918, 13 января Участвовал в массовом митинге, потребовавшем создания Будапештского рабочего совета.

24, 28 марта В газете «*Világ*» («Мир») вышла его статья «Социал-демократия и политическая мораль».

2 апреля Участвовал в дискуссии в ОСН на тему «Консервативный и прогрессивный идеализм».

Май В журнале «Двадцатый век» опубликована статья Сабо «Маркс».

Июнь В журнале «*Szabad Gondolat*» («Свободная мысль») увидела свет последняя статья Сабо «Образование и культура». Сабо ведет рубрику «Жизнь и наука» в газете «Мир».

21 июля Завершил работу над фундаментальной монографией «Социальная и партийная борьба в венгерской революции 1848–1849 гг.»

Конец июля Отдых в санатории в Шарсентаготан.

Август Ушел в отпуск по состоянию здоровья.

30 сентября Кончина Эрвина Сабо³¹.

Повторим, что выше перечислены лишь значимые события в жизни Эрвина Сабо. К сказанному добавим деловую и личную переписку, встречи, повседневную административную работу.

Культурно-просветительская, революционно-пропагандистская, теоретическая и организаторская деятельность заполняла практически все его время. Но была у Сабо и личная жизнь, пусть не такая полная. По всей видимости, смертельный недуг стал преградой для женитьбы. Сабо

³¹ Ibid. 928, 982–983.o.

не был анахоретом. В студенческие годы в Вене он познакомился с семьей русского политэмигранта, народника С.Л. Клячко. Взаимное чувство симпатии, перешедшее во влюбленность, долгое время связывало Эрвина со старшей дочерью Клячко Алиной. В тесных дружеских отношениях Сабо состоял с Алисой Маджарне (Яси), женой ведущего сотрудника Будапештской городской библиотеки Йозефа Маджара и сестрой своего близкого друга Оскара Яси. Сабо прожил большую часть своей жизни с матерью, Луизой Поллачек, которая на десять лет пережила любимого сына. Он был ее гордостью, всегда оставаясь внимательным, заботливым сыном. Об этом выразительно говорят их письма друг другу, написанные на немецком языке³². Как правило, Сабо совмещал отдых, снимая накопившуюся усталость, с лечением в санаториях и на курортах. Он редко жаловался на бытовые условия и медицинское обслуживание в местах отдыха, хотя выделял наиболее ему понравившиеся. Так, в письме двоюродному брату Эдену Пору от 31 марта 1914 г. Сабо высказал желание «вновь побездельничать в Сан-Бартоломео» (курортный городок в 90 км. от Генуи)³³. Об упадке сил, апатии Сабо косвенно говорит просьба, с которой к нему обратился Э. Пор в начале апреля 1914 г.: «Пиши, если есть настроение»³⁴. Война, на которую Сабо не призвали из-за болезни, непосредственно коснулась его старшего брата. От него, мобилизованного на русский фронт, подолгу не было никаких известий. Чтобы как-то ободрить Сабо и его мать, известный австрийский социал-демократ, профессор Венского университета Карл Грюнберг, состоявший в переписке с Сабо, поведал о военной судьбе своего двоюродного брата. Тот попал в русский плен в бою под Пшемыслем и был этапирован в Москву, где, вопреки всем ожиданиям, как он писал, с ним очень хорошо обращались. Чуть позже пленного австрийца должны были отправить дальше на восток, в Среднюю Азию³⁵.

Август 1915 г. Сабо проводил в санатории под Дрезденом. Из письма к матери мы узнаем о привычном для него распорядке дня: «Я, как обычно, ежедневно пишу (имеется в виду вышеупомянутый исторический труд. – А.А.) и надеюсь, что уже немало написано». Сын не забывает справиться у матери, зажил ли у нее большой палец на руке. Сабо свыкся с однообразием санаторской жизни, хотя временами у него появляется желание вырваться из этого заведения и, к примеру, «махнуть в Дрезденскую картинную галерею». Сабо знает, что, совершив такую поездку, он рискует остаться без обеда или ужина. Он готов к этому, рассчитывая на мамин термос с чаем. Согласно санаторскому распорядку каждое утро, в 8 часов, к Сабо приходил ассистент, чтобы произвести

³² См.: Ibid. 1-2. köt.

³³ Ibid. 895.o.

³⁴ Ibid. 896.o.

³⁵ Ibid. 900.o.

влажное обтирание остававшегося в постели пациента. Затем приносили завтрак, состоявший, по описанию Сабо, из вареного яйца, булочки с маслом и кофе. После завтрака пациенты ждали регулярного обхода лечащего врача. Затем вновь приходил ассистент и массировал грудь и спину Сабо. Через день он ходил в бассейн, где помимо массажа ему прописали хвойную ванну. После этой процедуры у пациентов было свободное время. В зависимости от погоды, рассказывал Сабо, «я лежу в шезлонге, пишу, читаю». В 12.30 обед: попеременно давали вегетарианское мясо и тушеные овощи с мучной заправкой, салат, компот, бутерброд с маслом. После обеда отдых, в 4 часа пополудни лечебный чай, после которого прогулка, снова шезлонг, дневной сон. В 7 часов вечера ужин, похожий на обед. Затем вновь шезлонг либо читальный зал. Сабо упоминает и о непринужденных беседах с другими пациентами. Каждый второй вечер предлагались фрукты. В 22 часа наступало время сна³⁶.

Спустя полгода, в феврале 1916 г., Сабо, измотанный отражением атак на Будапештскую городскую библиотеку и ее директора, 8 дней провел в швейцарском Земмеринге, в отеле Зюдбан. Оттуда он писал матери, что популярным зимним видом отдыха было катание на санках, что он купил для прогулок горные ботинки и короткие штаны. Похоже, Сабо настоящему отдыхал в тихой альпийской республике, где о мировой войне ничего, кроме дороговизны, не говорило. Он получал удовлетворение, слушая музыку в исполнении альтиста и пианистки, выступавших в санаторском музыкальном зале, и гуляя по лесу. Он наслаждался чудесными видами горной Швейцарии. Знакомых в санатории не было, да и Сабо не испытывал потребности в общении. Но его изоляция от внешнего мира была относительной. В Земмеринге он встречался с известным австрийским экономистом, профессором университета в Граце Ю. Бунцелем, венгерским правоведом и социологом Л. Леопольдом, венгерским социологом Г. Леопольдом. В июне 1917 г. Сабо вновь собирался в санаторий, на сей раз в австрийскую Штирию, но при условии приемлемого питания. Об этом он сообщал в письме Оскару Яси, который тогда отдыхал на Средиземноморском побережье, в Аббазии³⁷.

В июле 1918 г. Сабо в последний раз отдыхал и лечился в санатории Шарсентагота. В письме другу Михаю Бабичу он жаловался на плохое самочувствие: «Таким слабым и вялым я никогда не был. Весь день лежу или сижу на веранде, одетый в пальто и закутанный в одеяло»³⁸. Словно предчувствуя скорый конец, Сабо торопился закончить как можно больше задуманных дел.

Личность Сабо привлекла внимание психографологов. В октябре 1917 г., за 11 месяцев до своей смерти, он послал два письма Кунфи

³⁶ Ibid. 915–916.o.

³⁷ Ibid. 945.o.

³⁸ Ibid. 965–966.o.

Лайошне (Элле Тиллер), которая была близким другом Оскара Яси. Таким образом до нас дошла своего рода гражданская исповедь, или опыт психологического автопортрета Сабо. Отметив меткие наблюдения и оценки Эллы Тиллер (некоторые из них были для Сабо открытием), он внес некоторые поправки. В частности, венгерский интеллигент не соглашался с утверждением, что у него «бурный» темперамент. «Наверное, он был раньше. Но сейчас, во всяком случае, я очень заметно успокоился. Я также не уверен, – продолжал Сабо, – что люблю интеллектуально доминировать. Возможно, это и так, но меня сбивает с толку то, что я не люблю публичность и большое общество мне не по душе. “Очень нервный?”. Очень? Думаю, что, по крайней мере, не очень»³⁹. По мнению Сабо, он не был настолько амбициозен, чтобы непременно добиваться успеха. «Не думаю, – добавлял он, – что неудача жутко действовала бы на меня. Я поражаюсь, когда слышу, что люди считают меня злопамятным и мстительным. Многие, напротив, видят мою ошибку в том, что я быстро забываю, даже если кто-то сильно обидит меня»⁴⁰.

В дни прощания с Эрвином Сабо было произнесено много речей, опубликовано мемориальных статей, воспоминаний. Горечь невосполнимой утраты и одновременно уверенность в правоте дела Сабо передает некролог, опубликованный сотрудниками Будапештской городской библиотеки 30 сентября 1918 г., в день смерти их директора. В нем говорилось: «...Его коллеги, все как один, видят в библиотеке заново сотворенный плод созидательной энергии Сабо. Его ученики и последователи будут черпать вдохновение из богатого творческого наследия, которое он оставил, направив свои знания и силы на рост духовного благосостояния широких масс. При этом Эрвин Сабо менее всего думал о себе... Мы будем продолжать его дело, сохраняя верность его замыслам»⁴¹.

Подведем краткий итог. Во время глобального военного конфликта, свидетелемствовавшего о системном кризисе европейской цивилизации, от интеллигенции требовались гражданское мужество и интеллектуальная смелость остаться вне «партии войны», мобилизовать все свои силы на сохранение гуманистических ценностей. Во имя этого Эрвин Сабо и такие, как он, «тихие герои» совершали «малые дела». Сабо, реформируя библиотечное дело, страстно и принципиально, с гуманистических и демократических позиций выступая с трибуны венгерского Общества социальных наук и на страницах газет и журналов, защищал людей от духовного одичания, идеологического и политического экстремизма. Он стремился спасти их от всех тех зол, что несла с собой бессмысленная и жестокая война.

³⁹ Ibid. 951.о.

⁴⁰ Ibid. 953.о.

⁴¹ Szabó Ervin könyvtár-tudományi 1959. 699.о.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айрапетов А.Г. Эрвин Сабо – пламенный революционер, социалист. М.: Мысль, 1984. 141 с.
- Глац Ф. Историк, нация, общество// Дьюла Секфю. После революции/Перевод с венг. О.В. Хавановой. М.: Водолей, 2011. С. 5–34.
- Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1984. С. 243–301.
- Секфю Д. После революции / Пер. с венг. О.В. Хавановой. М.: Водолей, 2011. 344 с.
- Szabó Ervin. Hol az igazság!? / Szerkesztette Remete László. Budapest: Magvető könyvkiadó, 1977. 557 o.
- Szabó Ervin könyvtár-tudományi cikkei és tanulmányai. 1900–1918. Budapest: Fővárosi Szabó Ervin könyvtár, 1959. 747 o.
- Szabó Ervin levelezése. 1905–1918. Szerkesztette Litván Gy. és Szücs L. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1978. 1041 o.
- Szabó Ervin válogatott írásai. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1958. 508 o.

REFERENCES

- Ajrapetov A.G. Ervin Sabo – plamennij revoljucioner, socialist. M: Misl, 1984. 141 s.
- Glaz F. Istorik, naczija, obshchestvo // Dyula Sekfu. Posle revolucii / Per. s veng. O.V. Chavanovoj. M.: Wodolej, 2011. S. 5–34.
- Izbrannie proizvedenija peredovich vengerskich mislitlej. Vtoraja polovina XIX – nacsalo XX veka. M.: Nauka, 1984. S. 243–301.
- Sekfü D. Posle revolucii / Perevod s veng. O.V. Chavanovoj. M.: Wodolej, 2011. 344 s.
- Szabó Ervin. Hol az igazság!? / Szerkesztette Remete László. Budapest: Magvető könyvkiadó, 1977. 557 o.
- Szabó Ervin könyvtár-tudományi cikkei és tanulmányai. 1900–1918. Budapest.: Fővárosi Szabó Ervin könyvtár, 1959. 747 o.
- Szabó Ervin levelezése. 1905–1918. Szerkesztette Litván Gy. és Szücs L. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1978. 1041 o.
- Szabó Ervin válogatott írásai. Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1958. 508 o.

Айрапетов Арутюн Гургенович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института гуманитарного и социокультурного образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина; airahist@mail.ru

World War I and intelligentsia: personal history

The object of study is the world of Ervin Szabó, a member of Hungarian intelligentsia of the early 20th c. The article analyses his attitude to World War I (in its various aspects: patriotic and nationalist, social and class, revolutionary and political), his self-reflection (his views on personal responsibility for the fate of human civilization), social status, social and political behaviour, and the everyday life.

Keywords: character of war, anti-militarist propaganda, library studies, state official, private life

Arutyun Airapetov, Dr. Sc. (history), Professor, academic supervisor of the Institute of education in humanities and social and cultural studies, Tambov state university; airahist@mail.ru